

Румынская оккупация Молдавской ССР 1941–1944 гг.: Бухарестский патриархат и политика румынизации (по материалам Национального архива Республики Молдова)

В.А. Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107
E-mail: sodol_slv@mail.ru

Авторское резюме

Неотъемлемой частью оккупационной политики румынской администрации на территориях губернаторств Бессарабия и Транснистрия была румынизация их населения. Активным проводником румынизации стало духовенство Румынской православной церкви, численно превалировавшее над представителями местного клира и установившее господство над ним и верующими. Целям румынизации служили общеобразовательные школы, средние и высшие духовные учебные заведения, а также т. н. очаги культуры. Духовенство создавало румынские националистические организации и издавало газеты, журналы и брошюры националистического и профашистского антиславянского толка. Часть священников были вовлечены в осуществление политического надзора. Несмотря на прилагавшиеся усилия, население теряло доверие к священникам – румынским миссионерам. Цели румынизации в период румынской оккупации Бессарабии и Транснистрии 1941–1944 гг. достигнуты не были.

Ключевые слова: Бессарабия, Транснистрия, Румынская православная миссия, Бухарестский патриархат, румынизация, оккупация

The Romanian occupation of the Moldavian SSR (1941–1944): The Bucharest Patriarchate and the policy of Romanianization (based on materials from the National Archives of the Republic of Moldova)

Veaceslav A. Sodol

T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University

107 October 25th str., Tiraspol, 3300, Pridnestrovie, Moldova

E-mail: sodol_slv@mail.ru

Abstract

The main goal of the occupation policy of the Romanian administration in the Governorates of Bessarabia and Transnistria was the Romanianization of their population. The clergy of the Romanian Orthodox Church became an active agent of Romanianization; they outnumbered the local clergy and established dominance over them and the believers. They established their dominance over the priests from Bessarabia and Transnistria, as well as the believers. General education schools, secondary and higher theological institutions, as well as so-called “cultural centers” served the goals of Romanianization. The clergy introduced Religion and Christian morality lessons in secondary schools, accompanied by reading Romanian chauvinistic literature. A theological seminary was opened in Dubossary, and a department of theology was opened at Odessa University. These institutions had libraries of books with Romanian nationalist content. The clergy created Romanian nationalist organizations (*Romanians from Bug*) and published newspapers, and magazines (*Sunday*, *Transnistria Christina*) of nationalist and pro-fascist anti-Slavic content. Some priests (at least 56 in Bessarabia and 19 in Northern Bukovina) were involved in political surveillance. Despite the efforts made, the population was losing trust in the Romanian missionary priests. The goals of Romanianization during the Romanian occupation of Bessarabia and Transnistria in 1941–1944 were not achieved.

Keywords: Bessarabia, Transnistria, Romanian Orthodox Mission, Bucharest Patriarchate, Romanianization, occupation

Проведение политики румынизации на захваченной румынскими вооруженными силами в ходе Великой Отечественной войны территории Молдавской ССР и пограничных областей Украинской ССР является предметом изучения ряда исследователей Молдавии, России, Украины и Приднестровья. Существенный вклад в разработку данной проблематики внесли такие исследователи, как И.Э. Левит [3; 4], П.М. Шорников [19–21], С.М. Назария [7], Н.И. Михайлуца [5], Н.В. Бабилунга [1] и др. Освещая интересующие нас вопросы, эти ученые не могли пройти мимо использования румынской оккупационной администрацией в своих целях структур и институтов Румынской православной церкви, являвшейся частью административного аппарата Румынского королевства.

Этими исследователями были затронуты такие аспекты, как идеология Румынского государства, цели Румынии в войне против СССР, ряд аспектов конкретной деятельности румынских священников по реализации поставленных правительством И. Антонеску целей по денационализации покоренных народов, с одной стороны, и румынизации части населения оккупированных территорий – с другой.

Несмотря на наличие целого ряда работ по данной проблематике, нельзя признать настоящий уровень разработанности вопросов использования структур Румынской православной церкви в целях румынизации покоренного населения Молдавской ССР достаточным.

В то же время материалы Кабинета по администрации Бессарбии, Буковины и Транснистрии Национального архива РМ (Ф. 706) позволяют в значительной степени детализировать имеющуюся картину, а также оценить результативность проводившихся оккупационными властями мероприятий данной политики. Например, в нем хранятся планы реализации оккупационных мероприятий по различным отраслям хозяйственной, общественной жизни, по установлению идеологического контроля над населением. В частности, весьма примечателен «План работы дирекции национальной пропаганды по организации румынской пропаганды в “Транснистрии” на 1942 г.» [11]. Результаты деятельности оккупационной администрации представлены в отчетах административного отдела, например о деятельности губернаторства «Транснистрия» с 1941 по 1943 г. [9]. Особый интерес представляет и единственный отложившийся в данном фонде отчет митрополита Виссариона (Пую) маршалу И. Антонеску о деятельности православной миссии в Транснистрии в 1942–1943 гг. [10]. Наконец, проследить обратную связь от реализации мероприятий оккупационных властей позволяет такой уникальный источник, как докладные записки и донесения резидентов, агентов специальной службы информации (далее ССИ) из

населённых пунктов оккупированных румынами территорий. Типовыми разделами таких докладных записок и отчетов, в частности, являются: «Состояние духа населения (в городах и селах)», «Политическая ситуация» (движение коммунистов, украинское движение, евреи, легионеры), «Культурная ситуация» (церковь, школы, культурные проявления, пропаганда), «Циркулирующие слухи» и др. [12].

Непосредственно накануне нападения фашистского блока на СССР румынские экуменические круги руководствовались тезисом о том, что украинские, русские и другие славяне являются народами одного вероисповедания. Но этот тезис впоследствии стал противоречить официальной политике королевской Румынии, которая утверждала расистскую идеологию. Заместитель председателя Кабинета министров Румынии и министр иностранных дел М. Антонеску заявлял, что уничтожение коммунизма и славянства необходимо, поскольку они «создают угрозу алтарям, собственности, семьям и нашей вере». Если в начале войны раздавались обещания по предоставлению права населению на отправление культа на родном языке, то со временем акценты стали ставиться на «рекхристианизации» и воспитании населения в румынском христианском духе. Затем стала реализовываться программа полного церковно-религиозного подчинения местного клира и верующих Румынской патриархии. Даже тогда, когда немцы на первых порах смотрели сквозь пальцы на попытки украинских сил возродить свою национальную церковь в западных и центральных украинских областях, румыны выступали против образования и существования в губернаторстве Транснистрия украинских церквей [5: 100]. Результатом такой религиозной политики, исходя из долгосрочных аннексионистских планов Румынии на эти земли, должен был стать переход украинского населения, как и других народов, населявших губернаторство, под омofор Румынской православной церкви [5: 101].

После отступления из Молдавии Красной армии вместе с румынскими и немецкими войсками в Кишинёв вернулся местоблюститель митрополичьей кафедры Ефрем (Енэкеску), явившийся в 1939–1940 гг. в Бессарабии церковным наместником Румынии. По словам священника Варлаама (Кирицы), он успел стяжать себе в Бессарабии «недоверие и холодность духовенства», поскольку «в монастырях протежировал и выдвигал отъявленных негодяев»; верующие называли его Ефрешкой [19: 213]. 12 января 1944 г. он стал архиепископом Кишинёвским и митрополитом Бессарабским. Возглавлять другие бессарабские епархии в 1941 г. были назначены приехавшие из Румынии архиереи: Четатя-Албскую и Измаильскую кафедру занял Поликарп (Морушка), епископом Хотинским и Бельцким стал Партений (Чиорпон) [16: 236].

19 августа 1941 г. И. Антонеску издал декрет, на основании которого на оккупированной румынскими войсками территории между Днестром и Бугом под руководством полномочного представителя Румынии профессора Г. Алексяну создавались 5 дирекций, одной из которых была дирекция просвещения, культов и пропаганды [17: 304]. Незамедлительно сюда была направлена церковная миссия, которая первоначально обосновалась в Тирасполе, а в октябре перебралась в Одессу. О создании миссии, подборе для нее миссионеров и об осуществлении их деятельности указания давал лично румынский диктатор [19: 223]. В территориально-административном отношении Миссия включала 13 окружных благочиний и одно городское (для Одессы), им подчинялись 64 районных благочиния (в румынской традиции «субпротопопии»). Первым главой миссии стал архимандрит Юлий (Скрибан), профессор богословского факультета Бухарестского университета, его викарием был архимандрит Антим (Ника) [16: 236].

В нормативных документах, издававшихся румынским правительством и оккупационными властями, неоднократно подчеркивалось, что «кардинальной задачей политики правительства является румынизация отвоеванных провинций» [4: 262]. Особую роль в достижении этой цели отводилось области между Днестром и Бугом, никогда ранее не входившей в состав Румынского королевства и отличавшейся наиболее пестрым национальным составом. Разговаривая с министром культуры Румынии И. Петровичем И. Антонеску заявил: «Мы ведем в Транснистрии титаническую борьбу... Не секрет, что я не намерен упускать из рук то, что приобрел. Транснистрия станет румынской территорией, мы ее сделаем румынской и выселим оттуда всех иноплеменных» [6: 103].

Особая роль в достижении этих целей отводилась румынской церкви. Выступая в апреле 1942 г. в г. Бельцы, И. Антонеску отчеканил: «В церкви правительство видит, прежде всего, орган национальной пропаганды» [22: 166]. Руководящие круги Румынии провозглашали, что «в первую очередь необходимо внедрять идею о существовании единого румынского государства и единой румынской народности, проживающей на территории всей страны...» [6: 113].

Тезис о принадлежности молдаван к румынской нации румынские власти сами рассматривали как цель, которой необходимо добиваться, а не как реальность. «Бессарабский крестьянин, – в июне 1942 г. отмечал заместитель директора ведомства пропаганды губернаторства “Бессарабия” Д. Мыцулеску, – всегда считал себя молдаванином, а не румыном, и смотрел на выходцев из Старого королевства с некоторым пренебрежением, что является следствием

того, что он находился в составе великой империи» [20: 278–279]. Оккупанты проводили политику «национального перевоспитания» молдаван в духе румынизма. Живший в Кишинёве уроженец Олтении Сабин Попеску-Лупу в статье «Национальное перевоспитание», еще раз отметив отсутствие у молдаван румынского национального сознания, сформулировал задачу румынских властей так: «Сформировать национальное сознание всего молдавского народа Бессарабии... и его следует научить мыслить по-румынски» [20: 280]. В целях формирования у молдаван духовных связей с Румынией учитель К.В. Пушкашу в 1942 г. в статье «Как их приблизить к нам?» предложил сочетать пропаганду и репрессии. Главную ставку он рекомендовал сделать на колонизацию области румынами и ассилияцию местного населения. Эти идеи учитывались политическим руководством Румынии [20: 280].

С особым усердием проводилась в губернаторствах кампания по румынизации имен и фамилий молдаван. В октябре 1941 г. после очередной инспекционной поездки кондуктора по Бессарабии, в ходе которой он установил наличие в этом губернаторстве якобы «славянизированных румын», появилась директива, в которой говорилось: «Его высочество приказал, чтобы через соответствующие органы сообщить этим лицам: или они становятся румынами и, следовательно, принимают румынские фамилии, делаются настоящими румынами, или же они являются и остаются чуженационалами, и тогда к ним будут относиться соответственно» [4: 281].

Особая роль в процессе румынизации имен и фамилий населения на захваченных территориях отводилась церкви. Директива губернатора Бессарабии, изданная 6 июня 1942 г., предписывала: «В сельской среде священники, учителя и все государственные служащие должны действовать силой убеждения, доказывая селянам, что являются румынами и использование русских имен – недостойный и позорный поступок. Священники и учителя должны проникнуться этим высоким национальным долгом и действовать вдохновенно и старательно... Священники не будут крестить детей с чисто русскими именами (Всеволод, Игорь, Татьяна, Люба и т. д.) или с румынскими русифицированными именами» [6: 115].

В июне 1943 г. священник с. Буруяны Хотинского уезда Василе Мафтея опубликовал собственную программу румынизации местных руснаков, отдававших предпочтение даже не «русской мове», а литературному русскому языку. Расходясь во взглядах с самим «правителем», он выступил даже против использования в богослужении церковнославянского языка: «Главное звено румынизации – школа. Но какая от нее польза, если изгнанный из примарии и школы ино-

странный язык найдет прибежище в церкви?» [19: 218]. Преимущество церкви в осуществлении языковой дискриминации он усматривал в том, что использование румынского языка в богослужении не может вызвать недовольства даже в селе, населённом «самыми фанатичными украинцами».

Важнейший участок своей деятельности оккупанты в рясах усматривали в воздействии на детские умы. Как отмечалось в отчете губернаторства Транснистрия, «для продвижения религиозного обучения и образования введено в начальное, среднее и высшее обучение изучение религии и христианской морали. В университете создана кафедра богословия» [9: 176]. В школах они «работали» как с учащимися, так и с педагогами. Было введено преподавание Закона Божия, причем уроки эти «миссионеры» сопровождали чтением румынской шовинистической литературы и заучиванием румынских националистических гимнов и стихотворений. У детей, которым пришлось учиться по новым румынским образовательным программам, о процессе обучения сохранились малоприятные воспоминания. Так, уроженец с. Белочи Г.И. Пономарь отмечал: «Нас, детей, насильно заставляли учить Закон Божий и молитвы на румынском языке» [8: 388]. Улита Григорьевна Шаповалова из с. Кицканы уточняла: «Учителя над нами издевались любыми методами.... Каждое воскресенье нас гоняли насильно в церковь на молитву, и я до сих пор помню “Татэл ностру...”» [8: 397].

Особое внимание военно-фашистское правительство уделяло румынизации сирот, в связи с чем в Тираспольском районе, например, по приказу претора учителям и священникам в срочном порядке было вменено в обязанность составлять на беспризорных детей-молдаван списки, чтобы затем отправить их в «Страну» и вырастить в румынском духе [2: 36].

14–15 декабря 1941 г. в Тирасполе состоялись торжества по случаю открытия Национального научного института румын Транснистрии. В торжествах участвовали Г. Алексяну, делегат Румынской Академии П. Халиппа, профессор университета г. Клуж-Сибиу О. Гибу, президент Ассоциации заднестровских румын Е. Смокинэ. В своем отчете информатор ССИ, присутствовавший на этом мероприятии, зафиксировал: «Господин Никулеску, ревизор школ Транснистрии говорил о Церкви и школе. Благодарил Министра просвещения за полученные книги (28 тыс.), которые были распределены по селам и городам... Господин Ильин призвал учить детей обычаям и колядкам святых праздников. Господин Никулеску ревизор школ довел до сведения, что дано распоряжение об этом. Потом взял слово священник, происходящий из Транснистрии, который говорил о Церкви и вере» [12: 379].

В Одесском университете была учреждена кафедра богословия, располагавшая библиотекой книг румынского националистического и профашистского антиславянского, антирусского и антиукраинского толка. Студентов обязали слушать курс богословия, который читал румынский архимандрит Антоний (Харгел). Летом 1942 г. для педагогов были организованы богословские курсы, в Одессе их посещали 200, а в Тирасполе 150 учителей [19: 226].

30 ноября 1942 г. в Дубоссарах была открыта Духовная семинария, ректором которой был назначен румынский священник Димитру Христеску. На обучение было принято 80 человек. Семинария должна была обеспечить румынизацию церковной жизни и населения губернаторства Транснистрия, поэтому занятия в ней проводились на румынском языке [21: 185].

В Одессе, Тирасполе, Рыбнице, Балте и ряде других городов были открыты «дома христианской культуры» – церковно-политические клубы, где «миссионеры» проводили собрания верующих, лекции, вечера с пением румынского гимна. Согласно отчету губернаторства Транснистрия, «Службой культуры народа субдирекции пропаганды организованы на данный момент 13 уездных Центров культуры – в каждом уездном центре, 80 Очагов культуры молдавских в общинах с 86% молдавским населением и 34 Очага культуры немолдавских. Каждый Центр культуры и каждый Очаг культуры, молдавский или немолдавский управляет румынским государственным служащим – школьным инспектором, протоиереем, врачом, учителем, священником, примаром и т. п.» [9: 191]. В Бессарабии общее число «очагов» уже в апреле 1942 г. было доведено до 607, что почти в два раза превысило число этих учреждений в 1930-е гг. Как отмечал в августе 1943 г. губернатор О. Ставрат, деятельность учреждений национальной пропаганды на 80 % обеспечивалась священниками [19: 216]. В селах священники создавали религиозные «кружки культуры». Объектами внимания румынских миссионеров являлись также тюрьмы, трудовые и концентрационные лагеря, лагеря для военнопленных [19: 225]. На предприятиях члены румынской церковной миссии читали лекции, сопровождаемые чтением стихов на румынском языке, пением румынских песен, исполнением румынской музыки.

Одним из добровольных проводников румынизации стал Варлаам (Кирица), с февраля 1942 г. работавший миссионером-благочинным Бершадского района Винницкой области. Находясь на этой должности, он создал антисоветскую румынскую националистическую организацию «Румыны с Буга», ставившую своей задачей румынизацию украинского населения. Он стал издателем журнала «Вос-

кресенье» на русском и молдавском языках, в котором наряду с сугубо религиозными статьями помещались статьи на исторические темы, в которых говорилось, что земля, лежащая между Днестром и Бугом, издавна принадлежит румынам и теперь пришло время воссоединения ее в одном румынском государстве [14: 192]. Аналогичный характер и содержание имели и издававшиеся Румынской православной миссией журнал «Транснистрия христианская» и еженедельный листок «Христианская жизнь» [12: 161]. Глава православной миссии в Транснистрии Виссарион (Пую) констатировал в своем отчете: «Для активизации и духовного руководства населения (осуществляется. – В.С.) ... публикация брошюр и статей, призывающих к лучшей общественной жизни, обновленной христианством, пробуждение вновь через духовенство национального чувства в румынских селах, совершающего благотворительностью, помогая приютам и больницам и поддерживая больных, старых и нищих» [10: 4].

Постоянно пополнялся румынскими священнослужителями клир. В губернаторстве Транснистрия из 461 священника, проводивших службу к концу 1942 г., 265 были румыны; к октябрю 1943 г. число священников-румын достигло 328 [20: 277]. Как следует из отчетов ССИ с мест, румынские священники превалировали в районах и населенных пунктах с преобладанием немолдавского населения. Так, по Рыбницкому району в 1941–1942 гг. из 12 священников 9 были румынами, 3 – украинцами [13: 68]. Спустя некоторое время это соотношение стало еще более разительным: «Священников 20, из них 16 румын прибывших из Страны и 4 украинца из региона» [13: 46]. В Каменском районе из 6 священников 5 были румынами, лишь один – украинец [13: 38]. Отчет субцентра ССИ Тирасполя за февраль 1943 г. констатировал: «В Раздельнянском районе в 80 коммунах и селах всего 6 церквей, из которых религиозные службы проводятся только в 3, в остальных трех священникам запрещено проводить службы, потому что они были местными и они не смогли доказать документально свой сан» [12: 21].

К лету 1943 г. в Бессарабии насчитывалось около 1 196 священников [19: 216]. При этом румынские иммигранты составили более трети. В частности, из 85 священников, служивших к началу 1944 г. в Кагульском уезде, 32 являлись уроженцами «остальной страны», т. е. Румынии, 49 – «бессарабскими румынами», т. е. молдаванами, и лишь 4 принадлежали к национальным меньшинствам [19: 216].

По инициативе Антима (Ника) Измаильской епархией в начале 1944 г. была учреждена комиссия по проверке документов у священников-русских и украинцев, бежавших из губернаторства Транснистрия и опасавшихся наказания за сотрудничество с врагом.

Тех, кого уличали в нежелании проводить румынизацию населения, комиссия передавала румынской жандармерии для отправки их в концлагеря. Русских и украинских священников не допускали к занятию приходов, лишали их права церковного служения [19: 231].

Часть священников была вовлечена в осуществление политического надзора. По предложению И. Антонеску накануне войны органами ССИ были созданы секретные команды миссионеров, укомплектованные священниками, учителями, врачами и призванные вести скрытую «пропаганду и контрпропаганду» и выявлять противников оккупационного режима. На каждое предприятие с числом работников 200 и более человек надлежало внедрить одного «миссионера» [19: 217]. Летом 1941 г. в Бессарабию были направлены первые 56 «миссионеров», а в Северную Буковину – 19. По записям из церковных книг румынская полиция с ведома священников разыскивала крещёных евреев [22: 169].

Таким образом, Румынская церковь приняла деятельное участие в пропагандистском обосновании агрессии против СССР. В оккупированных областях она действовала как оккупационное учреждение, проводя политическую пропаганду и оказывая содействие политической полиции. Деятельность Румынской церкви на оккупированной территории Молдавии была направлена на установление духовного контроля над населением и его румынизацию.

Каковы же были результаты процесса румынизации, проводившейся на протяжении почти трех лет? Судя по сообщениям агентов ССИ, а также признанию руководителей оккупационной администрации, результаты эти были ничтожными. Так, в марте 1942 г. губернатор Бессарабии К. Войкулеску констатировал: «Мало-помалу возобновилась старая система исключения румынского языка из обращения государственными служащими... На улицах, в магазинах, общественных местах русский язык преобладает. Что особенно прискорбно, установлены случаи, когда священники уступают настоящим верующим и проводят службу на русском языке» [18: 252]. По признанию одного из официальных печатных органов оккупационной администрации, «поучительные и вызывающие наилучшие духовные эмоции в сердцах верующих богослужения, протекают при очень малом количестве молящихся, особенно прискорбно отсутствие учащейся молодежи высших, средних и низших школ» [15: 47].

Агенты сигуранцы сообщали: «На совершение религиозных служб приходят большей частью старые женщины и немного детей, молодежь исключена совершенно. Нельзя констатировать, что что-то делается для приближения молодежи к церкви... О миссионерской деятельности можно сказать речь не идёт. Священники утвержда-

ют, что население их спрашивает: какая существует разница между румынами и большевиками, если под румынами: религиозная свобода ограничена, по праздникам и особенно воскресеньям они работают в поле, торговля не свободная, налоги платятся и натурой. На эти вопросы священники отвечают по случаю, что не удовлетворяет население» [12: 70]. «Церковь не может выполнить свою миссию», – констатировал глава Рыбницкого отделения ССИ [13: 162]. Следовательно, цели румынизации населения оккупированной румынами территории Молдавии достигнуты не были.

Литература

1. *Бабилунга Н.В.* Бессарабия под румынским правлением. История края в жизнеописании его оккупационных правителей в первой половине XX в. Тирасполь, 2020. 184 с.
2. *Гратинич С.А.* На левом берегу Днестра (Страницы совместной борьбы трудящихся смежных районов Молдавии и Украины против немецко-румынских фашистских захватчиков. 1941–1944). Кишинёв: Карта молдовеняскэ, 1985. 188 с.
3. *Левит И.Э.* Крах политики агрессии диктатуры Антонеску (19.XI.1942–23.VIII.1944). Кишинёв: Штиинца, 1983. 376 с.
4. *Левит И.Э.* Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Истоки, планы, реализация (1.IX. 1939 – 19.XI.1942). Кишинёв: Штиинца, 1981. 392 с.
5. *Михайлуца Н.И.* Деятельность Румынской православной миссии в губернаторстве «Транснистрия» (осень 1941 – весна 1944 годов) // Забытый агрессор. Румынская оккупация Молдавии и Транснистрии: сб. ст. М., 2010. С. 90–111.
6. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза: в 2 т. Т. 2. Кишинёв: Штиинца, 1976. 676 с.
7. *Назария С.М.* Холокост. Страницы истории (на территории Молдовы и в прилегающих областях Украины, 1941–1944). Кишинёв, 2005. 304 с.
8. «Натиск на Восток»: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время: сб. ст., док. и воспоминаний. Тирасполь; Бендери: Полиграфист, 2011. 608 с.
9. Национальное Архивное Агентство (НАА). Ф. 706. Оп. 1. Д. 518. Отчет о деятельности губернаторства «Транснистрия» с 19 августа 1941 по 1 августа 1943.
10. НАА. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1049. Докладная митрополита Виссариона маршалу Антонеску о деятельности православной миссии в «Транснистрии». 5–16 января 1943.

11. НАА. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1109. План работы дирекции национальной пропаганды в «Транснистрии». Газеты и журналы, издаваемые в «Транснистрии». 25 апреля – 28 ноября 1942.
12. НАА. Ф. 706. Оп. 3. Д. 4. Отчеты, докладные записки, информационные донесения агентов о морально-политическом состоянии населения Тираспольского уезда. Списки коммунистов, советских активистов и религиозных сект. 20 ноября 1941 – 4 июня 1943.
13. НАА. Ф. 706. Оп. 3. Д. 5. Докладные записки и донесения агентов о морально-политическом и экономическом состоянии населения «Транснистрии». Списки украинских националистов и советских активистов. 31 декабря 1941 – 25 февраля 1943.
14. Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. 1940–1991. Собрание документов: в 4 т. Т. 1. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2009. 823 с.
15. Реакционная роль религии и церкви. Архивные документы о деятельности священнослужителей в Молдавии. Кишинёв: Картия молдовеняскэ, 1969. 256 с.
16. Святыни русского православия юга Украины и Молдавии. Историко-документальный фотоальбом. Тирасполь, 2016. 400 с.
17. Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы: в 3 т. Т. 1. Киев: Наукова думка, 1985. 520 с.
18. Шорников П.М. Война режима Антонеску против русского языка // Натиск на Восток: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время. Тирасполь; Бендеры: Полиграфист, 2011. С. 250–254.
19. Шорников П.М. Молдавия в годы Второй мировой войны. К 70-летию Великой Победы над фашизмом. Кишинэу, 2014. 448 с.
20. Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь: Изд-во Приднестров. ун-та, 2007. 400 с.
21. Шорников П.М. Народное православие в Молдавии. Тирасполь: ИСПИРР, 2018. 232 с.
22. Шорников П.М. Церковная агрессия Румынии. 1941–1944 гг. // Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XXI вв.). М.: РИСИ, 2011. С. 162–187.

References

1. Babilunga, N.V. (2020) *Bessarabiya pod rumyanskim pravleniem. Istorya kraja v zhizneopisanii ego okkupatsionnykh praviteley v pervoy polovine XX v.* [Bessarabia under Romanian Rule. The History of the Region in the Biography of its Occupation Rulers in the First Half of the Twentieth Century]. Tiraspol: [s.n.].
2. Gratinich, S.A. (1985) *Na levom beregu Dnestra (Stranitsy sovmestnoy bor'by trudyashchikhsya smezhnykh rayonov Moldavii i Ukrayny protiv nemetsko-*

rumynskikh fashistskikh zakhvatchikov. 1941–1944) [On the left bank of the Dniester (Pages of the joint struggle of workers from adjacent regions of Moldova and Ukraine against the German-Romanian fascist invaders. 1941–1944)]. Chișinău: Kartya moldovenyaske.

3. Levit, I.E. (1983) *Krakh politiki agressii diktatury Antonesku (19.XI.1942 – 23.VIII.1944)* [The Collapse of the Aggression Policy of the Antonescu Dictatorship (November 19, 1942–August 23, 1944)]. Chișinău: Shtiintsa.

4. Levit, I.E. (1981) *Uchastie fashistskoy Rumynii v agressii protiv SSSR. Istoki, plany, realizatsiya (1.IX.1939 – 19.XI.1942)* [The Participation of Fascist Romania in the Aggression against the USSR: Origins, Plans, Implementation (September 1, 1939 – November 19, 1942)]. Chișinău: Shtiintsa.

5. Mikhaylutsa, N.I. (2010) *Deyatel'nost' Rumynskoy pravoslavnoy missii v gubernatorstve "Transnistriya" (osen' 1941 – vesna 1944 godov)* [The Activity of the Romanian Orthodox Mission in the Governorate of 'Transnistria' (Autumn 1941 – Spring 1944)]. In: Dyukov, A.R. (ed.) *Zabytyy agressor. Rumynskaya okkupatsiya Moldavii i Transnistrii* [The Forgotten Aggressor. Romanian Occupation of Moldova and Transnistria]. Moscow: [s.n.]. pp. 90–111.

6. Levit, I.E. (ed.) (1976) *Moldavskaya SSR v Velikoy Otechestvennoy voynе Sovetskogo Soyuza* [Moldavian SSR in the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Vol. 2. Chișinău: Shtiintsa.

7. Nazariya, S.M. (2005) *Kholokost. Stranitsy istorii (na territorii Moldovy i v prilegayushchikh oblastyakh Ukrayiny, 1941–1944)* [The Holocaust. Pages of history (in Moldova and adjacent regions of Ukraine)]. Chișinău: [s.n.].

8. Babilunga, N.V. (ed.) (2011) *"Natisk na Vostok": agressivnyy rumynizm s nachala XX veka po nastoyashchee vremya* [The "Onslaught on the East": Aggressive Romanianism from the early 20th century to the present]. Tiraspol; Bender: Poligrafist.

9. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). *Otchet o deyatel'nosti gubernatorstva "Transnistriya" s 19 avgusta 1941 po 1 avgusta 1943* [Report on the Activities of the Governorate "Transnistria" from August 19, 1941, to August 1, 1943]. Fund 706. List 1. File 518.

10. The National Archives Agency (NAA). *Dokladnaya mitropolita Vissariona marshalu Antonesku o deyatel'nosti pravoslavnoy missii v "Transnistrii". 5–16 yanvarya 1943* [Report from Metropolitan Vissarion to Marshal Antonescu on the Activities of the Orthodox Mission in "Transnistria." January 5–16, 1943]. Fund 706. List 1. File 1049.

11. The National Archives Agency (NAA). *Plan raboty direktsii natsional'noy propagandy v "Transnistrii". Gazety i zhurnaly, izdavaemye v "Transnistrii". 25 aprelya – 28 noyabrya 1942* [Work Plan of the Directorate of National Propaganda in "Transnistria." Newspapers and Magazines Published in "Transnistria." April 25 – November 28, 1942]. Fund 706. List 1. File 1109.

12. The National Archives Agency (NAA). *Otchety, dokladnye zapiski, informatsionnye doneseniya agentov o moral'no-politicheskem sostoyanii naseleniya Tiraspol'skogo uezda. Spiski kommunistov, sovetskikh aktivistov i religioznykh sekt. 20 noyabrya 1941 – 4 iyunya 1943* [Reports, Memoranda, Informational Agents' Dispatches on the Moral and Political Condition of the Population of the Tiraspol District. Lists of Communists, Soviet Activists, and Religious Sects. November 20, 1941 – June 4, 1943]. Fund 706. List 3. File 4.
13. The National Archives Agency (NAA). *Dokladnye zapiski i doneseniya agentov o moral'no-politicheskem i ekonomicheskem sostoyanii naseleniya "Transnistrii." Spiski ukrainskikh natsionalistov i sovetskikh aktivistov. 31 dekabrya 1941 – 25 fevralya 1943* [Memoranda and Agents' Dispatches on the Moral, Political, and Economic Condition of the Population of "Transnistria." Lists of Ukrainian Nationalists and Soviet Activists. December 31, 1941 – February 25, 1943]. Fund 706. List 3. File 5.
14. Pasat, V. (ed.) (2009) *Pravoslavie v Moldavii: vlast', tserkov', veruyushchie. 1940–1991. Sobranie dokumentov* [The Orthodoxy in Moldavia: The Power, the Church, and Believers. Collected Documents]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
15. The Central State Archives of the MSSR. Archival Administration under the Council of Ministers of the MSSR. (1969) *Reaktsionnaya rol' religii i tserkvi. Arkhivnye dokumenty o deyatel'nosti svyashchennosluzhiteley v Moldavii* [The reactionary role of religion and the Church. Archival documents on the activities of the clergy in Moldova]. Chișinău: Kartya moldovenyaske.
16. Transnistria. (2016) *Svyatyni russkogo Pravoslaviya yuga Ukrayny i Moldavii: istoriko-dokumental'nyy fotoal'bom* [Shrines of Russian Orthodoxy in the South of Ukraine and Moldova: a historical and documentary photo album]. Tiraspol: [s.n.].
17. Nemyatyy, V.N. (ed.) (1985) *Sovetskaya Ukraina v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945. Dokumenty i materialy* [Soviet Ukraine during the Great Patriotic War. 1941–1945. Documents and materials]. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka.
18. Shornikov, P.M. (2011) *Voyna rezhima Antonesku protiv russkogo yazyka* [The Antonescu regime's war against the Russian language]. In: Babilunga, N.V. et al. (2011) "Natisk na Vostok": *agressivnyy rumynizm s nachala XX veka po nastoyashchhee vremya* [The "Onslaught on the East": Aggressive Romanianism from the early 20th century to the present]. Tiraspol; Bendery: Poligrafist. pp. 250–254.
19. Shornikov, P.M. (2014) *Moldaviya v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Moldova during the Second World War]. Chișinău: [s.n.].
20. Shornikov, P.M. (2007) *Moldavskaya samobytnost'* [Moldovan Identity]. Tiraspol: Pridnestrovian University.
21. Shornikov, P. (2018) *Narodnoe pravoslavie v Moldavii. Ocherki istorii* [People's Orthodoxy in Moldova. Essays]. Tiraspol: Poligrafist.

-
22. Shornikov, P.M. (2011) Tserkovnaya agressiya Rumynii. 1941–1944 gg. [The Church aggression of Romania. 1941–1944]. In: Kashirin, V.B. (ed.) *Vostochnaya politika Rumynii v proshlom i nastoyashchem (konets XIX – nachalo XXI vv.)*. [Eastern Policy of Romania in the Past and Present (Late 19th – early 21st Centuries)]. Moscow: RISI. pp. 162–187.

Содоль Вячеслав Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института государственного управления и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Республика Молдова, Приднестровье)

Veacheslav A. Sodol – T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University (Republic of Moldova, Pridnestrovie).

E-mail: sodol_slv@mail.ru